

ДМИТРИЙ ДАРИН

ТРАКТОРИСТ СЕРЁГА

РАССКАЗ

Трактористов на Руси много. Писателей тоже много, даже больше, чем трактористов, хотя для Руси лучше было бы наоборот. Эти два типа людей редко дружат друг с другом, но один раз такое случилось. Хотя и ненадолго. И произошло это в небольшом сельце, в районе городка Сольцы Новгородской области, на одном литературном фестивале.

Писатель приехал туда из Москвы на своём внедорожнике, преодолев более полутыщи километров сносной дороги и полсотни метров разбомбленной. Даже его мощный “Крузер”, или, по-народному, “Кукурузник”, был вынужден опасно накреняться, выползая из страшных выбоин, напоминавших воронки от авиабомб. С собой он вёз белокурую барышню, лет на двадцать моложе себя, которую предусмотрительно называл “музой”. И действительно, среди всевозможных женских статусов — знакомая, спутница, любовница, подруга, пассия, будущая жена, то есть невеста, просто жена, и, наконец, бывшая жена — статус “муза” обладает неуязвимыми преимуществами. Во-первых, любой женщине это лестно и не вызывает немедленного желания перепрыгнуть на следующую ступень. А если повезёт, то и через одну. Во-вторых, это подчёркивает творческий характер профессии её мужчины, что лестно обоим. И, в-третьих, невозможно определить степень близости. Петрарка никогда не прикасался к Лауре, тоже белокурой, кстати, а Александр Сергеевич хвастался своей интимной близостью

ДАРИН Дмитрий Александрович родился в 1964 году в Ленинграде. В 1986 году окончил МГИМО. Проходил службу в войсках специального назначения в Группе советских войск в Германии. Доктор экономических наук. Автор нескольких поэтических сборников и книг прозы. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина “О Русь, взмахни крылами...” Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

к Анне Керн в письме другу детства Соболевскому. Так что обычных в окололитературной среде расспросов не было. “Музу” звали Аня. Как Керн, но писателя звали не Пушкин и даже не Александр, но по теме близко — Евгений и тоже Сергеевич.

Поселили Евгения с Анной в отдельной избе, потому что места в общем доме за рекой Шелонь кончились. Гостиный дом и даже баня в огороде на том берегу были переполнены бардами, спящими вповалку со своими верными гитарами и женщинами всевозможных статусов. Это было к лучшему: парк, где проходил фестиваль, находился буквально через дорогу. Изба эта принадлежала сестре начальницы культурного отдела местного района, а муж культначальницы помогал с обустройством гостей.

— Сергей. — Мужчина протянул худую жилистую кисть с синими наколками на каждом пальце.

“Бывалый”, — подумал профессионально наблюдательный писатель, вкладывая в рукопожатие чуть больше силы, чем обычно. На всякий случай.

— Евгений. — “Музу” писатель представлять пока не стал.

— Ну, так чо? Удобства вот в коридоре. Колонка во дворе. По факту.

— Ну, и отлично! — Писатель по России ездил помногу, но ночевать в избах не приходилось давно. — Сергей, как насчёт отметить?

— Фестиваль?

— И фестиваль тоже. А пока — знакомство. Тут как, сельпо далеко?

Сергей улыбнулся всеми морщинами, обвивавшими лицо, будто канаты. В этот момент он помолодел лет на десять...

— Тут всё недалеко. По факту.

— Ну, и отлично! — повторился Евгений. — Как с дороги шкалик-другой не выпить. Дорогу покажешь?

Сельпо располагалось через дорогу, только наискосок. Писатель собрался было идти, но Сергей упредин:

— Я сейчас принесу. Чо? Водки?

Евгений сделал довольное лицо, дескать, народ понимает писателей, как никто, и зашёл в избу.

Муза придирчиво осмотрела “апартаменты” и сморщила курносый носик.

— Мы же ненадолго здесь, Жень?

Евгений отвернулся к окну. Если бы женщин отделить от женских капризов, жить стало бы легче, жить стало бы веселей. Но это труднее, чем отделить море от соли.

— Ты пока располагайся. И радуйся, что отдельный дом, а то спала бы валетом... с каким-нибудь поэтом.

Аня снова сморщила носик, но перечить не стала — Евгений Сергеевич был мужчина вспльчивый.

Писатель вышел во двор. Воздух сразу заполнил лёгкие — вот где дышать можно. Жить нельзя, а дышать можно. “Хорошая фраза, надо записать”, — усмехнулся Евгений Сергеевич, скинул футболку и подошёл к колонке.

Серёга появился, когда он закончил обливаться студёной водой, фыркая, похлопывая себя по бокам.

— “Русскую” взял. Наша, новгородская. Ну, и огурчиков. По факту.

Тут только писатель вспомнил, что денег он Сергею не давал, — тот купил всё за свой счёт.

— Спасибо огромное. — Евгений приложил руку к мокрой груди. — Сколько с меня будет?

— Обижаете. Это с приездом. По факту, — уверенно ответил Сергей.

— Ещё раз спасибо. Но спросить я был должен, верно? — улыбнулся Евгений Сергеевич. Душевный приём снимал усталость лучше любой воды. — Тогда зайдём в дом, вместе угостимся?

Сергей отчётливо помотал головой.

— Не. Я не пью принципиально. По факту. Но спасибо. Заходите через час вон, — Сергей махнул рукой на двухэтажное строение с жестяными башенками, наверное, бывшие палаты какого-нибудь купца второй гильдии, — в администрацию. Там спросите Елену Николаевну, она расскажет, что и где. Программу, по факту.

Евгений не помнил, есть ли в избе холодильник, — водка была тёплой, в магазине, знать, холодильника не было. Он оглянулся, нашёл какое-то ведро, наполнил холодной водой и положил туда бутылку. Не сразу, но охладится.

Муза успела разобрать сумку — разноцветные платя висели на вбитых в стену крючочках и придавали избе окончательно жилой вид. Оказалось, холодильник присутствовал — он стоял дальше, в комнате, поэтому сразу в глаза не бросался. Евгений включил шнур в розетку, холодильник заурчал и принял бутылку водки и банку огурцов в свою белую утробу.

— Вот, ополоснись с дороги — вода свежачок.

Муза залезла в ведро пальчиком.

— Она же холодная!

— И мокрая к тому же. Облейся, взбодрись, а то последние сто километров только носом и клевала.

— Я лучше посплю. Ведь прямо сейчас идти никуда не нужно?

Евгений подумал, что и сам бы прилёт, всё-таки десять часов в дороге. Но засыпать на час — только себя мучить, лучше перетерпеть и уже завалиться вечером до самого утра. А пока он проветрится, погуляет и осмотрится.

— Не нужно. Отдыхай. Я схожу в администрацию. Познакомлюсь, куплю что-нибудь на ужин. И вообще, подышу.

Деревня была самой обычной, один перекрёсток и широкие прямые улицы в четыре конца. Евгений пошёл в направлении от администрации. Пока водочка примет употребительное состояние, он как раз осмотрит один конец. На обратном пути освежит горло и уже явится к культурным властям в полном равновесии. Какая-то собака деревенской породы с умными коричневыми глазами увязалась за ним, осторожно виляя хвостом.

— Эх, собака ты, собака... Проводишь меня на речку, пёсик? — завязал разговор Евгений.

Пёсик махнул хвостом, что, несомненно, означало согласие. Они пошли неторопливо вдоль разномастных заборов. Из-за одних выглядывали вишни и яблони, из-за других — зловредный борщевик. Люди везде живут по-разному, но на селе это как-то наглядней. Справившись у одного мужика, хлопотавшего под капотом “копейки”, как выйти на Шелонь, писатель с собакой спрямили путь через лесок. Заросли крапивы и борщевика, как пробор кабацкого полового, разделяла тонкая тропинка. Через пару минут что-то блеснуло через листья, и вот она — Шелонь.

Река была красивой, как почти все русские реки. Заросшая по обе стороны ивняком, она открывалась сразу, внезапно и поэтому удваивала красоту. Так бриллиантовое ожерелье радует глаз из вдруг открытого зелёного замшевого футляра. Течение было изрядным, но в силу не самой большой ширины русла препятствий переплыть бы не составило. Евгений был отличным пловцом и перемахнул бы Шелонь в несколько десятков гребков любым стилем. Собака бы тоже справилась.

Так они постояли несколько минут. Преодолев искушение искупаться, — обратно идти пришлось бы мокрым, — писатель вобрал глазами простор, вдохнул речной воздух и потрепал своего хвостатого знакомого.

— Ну что, пора обратно. Дорогу я запомнил. А если что — ты мне подскажешь. Пошли, что ли?

На удивление Евгения, собака не тронулась с места. Повиляла хвостом, облизнулась, но осталась на берегу. Ну, у собак свои резоны, а писателю пора было на встречу. Да и бутылочка, верно, приняла положенную температуру, при условии, конечно, что холодильник холодил, а не просто жужжал для вида.

Елена Николаевна оказалось типичной представительницей районного культначальства. Вся культура народа держится на таких — изнервленных от вечной нехватки бюджета, капризов артистов, интриг коллег, идиотских законов, делающих их подвижническую работу за рамками инструкций практически полулегальной, но расцветающих на полную русскую красоту, когда мероприятие позади и всё, кажется, обошлось.

Вот и сейчас было заметно, что весь сельский культотдел мало спал последнюю ночь, с утра распечатанная программа вся уже была испещрена поправками, распоряжения причастным отдавались нервно и громко. Заглянувшему в дверь Сергею Елена Николаевна велела проверить экологическую тропу.

— Проверил. Подправил кой-чо ещё вчера. По факту, — ответил было Сергей, но был кратко послан переверить.

В принципе, в программе не было ничего такого, что стоило бы запоминать, кроме времени начала мероприятия — 10 утра. Евгений Александрович был членом жюри, а значит, на месте укажут, где сидеть, кого “жюрировать” и жаловать. А вот главный вопрос — что делать до этих завтрашних 10 утра — решать приходилось самостоятельно. Конечно, можно было бы отправиться на ту сторону Шелони к бардам и посидеть с ними у гитарного костра. Но почти все они завтра будут петь то же самое со сцены, а бард, повторенный дважды, уже не тот. Да и возвращаться ночью пришлось бы скорее всего вплавь. А с Аней это напряжно, если только это не Анка-пулеметчица.

Евгений встал, попрощался до завтра, и пошёл к выходу. Водка, которую он так ещё и не отхлебнул, поскольку прошёл на культсовет по прямой, уже зажалась, но пить почему-то расхотелось. Усталость тоже как-то рассосалась, и писатель решил взглянуть на ту самую тропу, что звалась тут экологической.

Парк был разбит со знанием дела. Крутлое озерцо у самого входа напомнило такой же водяной колодец в Чичен-Ице. Но, в отличие от мексиканского, местное озеро не использовалось для жертвоприношений.

— Хотя хорошая мысль — топить здесь бездарных поэтов, — подумал Евгений. — Лучшим — грамоты, худших — в озеро. Как у майя. Чтобы не лезли в стихотворцы кто попало и без всякого риска. А так, глядишь, и призадумаются, может, и займется чем по реальным способностям.

Евгений ещё подумал. Кажется, у майя было принято наоборот: приносить в жертву лучших, но это были уже детали. На жаре напрягать память не хотелось.

Через минуту Евгений вышел на фестивальную поляну. По её краям были установлены симпатичные шашлычные столы со скамьями, вырезанными из цельных бревен, а не дощатые, как обычно. За небольшой сценой с десятком обычных скамеек начиналась та самая тропа — об этом возвещала надпись на деревянном щите. Евгений пошёл по указателю и почти сразу вышел на мостик с верёвочными перилами. Мостик был накинута над оврагом с живописным ручьём, журчавшим меж большими валунами. Ручей приятно освежал. Евгений постоял над водой, послушал усыпляющее журчание и, тряхнув головой, пошёл дальше. Но дальше не было ничего примечательного. Правда, поодаль, в лесу, на небольшой полянке виднелась сказочная избушка из светлого оцилиндрованного бревна — прибежище для небольшой Бабы-Яги, разве что не на куриных ножках, а на валунах, взятых, видимо, из того самого ручья. Рядом стоял Сергей, держа в одной руке сигарету, в другой — топор. Евгений подошёл ближе.

— Не пойму — ровно стоит или не ровно? — спросил Сергей, не поворачивая головы от избушки.

Евгений пригляделся.

— Ровно. А если ей куриные ноги приделать? Чтоб стояла, как хотела?

— Чтоб стояло, как хотела, — самая большая бабская мечта! — тонко ответил Сергей и, зайдя с задней стороны, что-то подтесал топором. — Теперь ровно. По факту.

— Ровно, — подтвердил Евгений, — ладно, пойду отдыхать.

— До завтраго тогда, — прощально махнул топором Сергей, — не просите!

— Постараюсь, — не оборачиваясь, себе под нос произнёс Евгений.

Действительно, по местным тропам он ещё нагуляется за два фестивальных дня. А сейчас пора и Анютку в постельке подвинуть. “Как хотела”, — усмехнулся Евгений, проходя по мостику в обратном направлении.

Проспать удалось, выспаться — нет. То ли от свежего воздуха, то ли от холодной водочки с такой простой и вкусной закуской, то ли от беззаботного ближайшего будущего Евгений любил свою музу весь оставшийся вечер, а потом, проснувшись среди ночи, — почти до рассвета. Муза мурлыкала и кокетливо просила её больше “не терзать”. Евгений, понимая противоречивость женских просьб, действовал от обратного... В результате они оба появились с довольным, но помятым видом на фестивальной поляне через полчаса после начала конкурса. Муза пошла за водой и шашлыком — они не успели позавтракать, — а писатель под неодобрительные взгляды коллег сел в шатре за стол жюри. Коллеги были такие же помятые, но коллективная дисциплина в России всегда надёжней индивидуальной. Евгений пожал плечами и спросил, есть ли у кого пиво. Его немедленно простили, и какой-то заслуженный бард протянул полуотпитую бутылку “Жигулёвского”.

Фестиваль проходил, как все бесчисленные областные литературно-музыкальные фестивали в России. Поэты, декламирующие по бумажке и наизусть, чередовались с поэтами, поющими своё под гитару. Евгений заседал во многих жюри и ездил по многим подобным фестивалям, он давно заметил общее сходство. На десять-пятнадцать людей, рифмовавших свои невнятные переживания, находился один, у которого нет-нет, да и блеснёт неожиданная строчка со свежей рифмой и оригинальным образом. Такому Евгений ставил по десятибалльной системе восьмерку или девятку, остальным общепримирающую пятёрку. Десяток у него не получал никто, но не из-за особой строгости, а из-за надежды, что следующий превзойдёт предыдущего “девятчоника”. Надежда, однако, почти никогда не сбывалась — народная поэзия в основном была крупного помола. Не сбывалась и сегодня, хотя восьмёрка через четыре непрерывных часа набралось тоже четыре.

Несмотря на жару, можно даже сказать, зной, люди редко уходили со зрительских скамеек — публика хотела получить всё, за чем приехала, сполна. Авторы старались на славу, но вряд ли ради славы — здесь её было не получить. Но можно было получить удовольствие от возможности высказаться. Разве можно кому-то отказать в таком человеческом желании? Но вот то, что удовольствие получает зритель, — это почти всегда авторская иллюзия. Впрочем, хлопали всем. Кому — за старание, кому — за смелость, чаще — из жалости. Но были и, как говорится, бурные аплодисменты, когда нравилось само выступление. Это и были восьмёрочники — мнение народа с писательским совпало на все сто.

Евгений оглянулся — хотелось ещё пива, а муза куда-то запропастилась. Можно было и потерпеть, выступления подходили к концу, но что-то припёрло. Евгений извинился перед коллегами и вышел из судейского шатра. На краю поляны стояли мангалы, ларёчки и пластмассовые столики. Он как-то и забыл, что шашлык ему Аня так и не принесла. Музы нигде не было, и Евгений разжился бутылочкой воделенного напитка. Пить пришлось на месте — не идти же судить с тарой — незаметно, как у соседа по жюри, не получилось бы. А получилось бы нетактично по отношению ко всем, прежде всего, к выступающим.

— Она в доме. Голову напекло. Просила передать, по факту. — Сергей появился незаметно, со стороны солнца, как челябинский метеорит.

“Хромает дисциплина в войсках, — подумал про себя Евгений и протянул Сергею бутылку, как давеча протянули ему, — было бы что напекать”.

— Понятно, спасибо.

— Не, я не пью, — отказался Сергей.

Евгений вспомнил, что Сергей уже отказывался.

— Принципиально?

— Ну. По факту, — подтвердил Сергей. — Мы вас с женой ждём в гости опосля. Через час где-то. И банька топится уже...

Ничто так не помогает от всего, как русская баня!

В бане у Сергея все было просто и сердито. Евгений, слышавший знатоком исконной русской бани и имевший свою, сделанную хорошей плотницкой бригадой и по всей науке, был весьма удивлён. Уж где-где, а в толще русского народа должны бы уметь париться. Однако полёк был поставлен край-

не неудачно — близко к печке, которая топилась тут же, изнутри. Поворачиваясь, чтобы добавить дров, можно было запросто обжечь зад о печь. На каменке лежали телеграфные изоляторы, никаких травяных пучков или запарок не предусматривалось, для пара лили простую воду. Веники были хорошие, берёзовые, видимо, собирали в самый сок — на Троицу. Но вениками других типов, хотя бы дубовыми, не запаслись. Вообще баня была больше похожа на мыльню с печкой — на полу стояло несколько шаяк с мочалками.

Но всё равно было хорошо. Пар снял маету. Жара, мучившая целый день, поглотилась влажным паром и вышла с потом. Хлестали друг друга по очереди — Евгений вызвался первым. Парил он искусно, ибо собирал разные стили и “почерки” по всем местам России, где довелось бывать. А бывать доводилось много где — оттуда и наука. Всё хорошее от мастеров идёт, которыми богата Россия. А почему? Потому что мастер, он и хранитель тоже. Основу в деле хранит, своё добавляет. Сергей парил проще — хлопал с двух рук по всему телу, без отяжки, без придавливания, не начёсом, в общем — без тонкостей. Но и так было душевно, с учётом вчерашней дороги и сегодняшней литературы — вдвойне. Наконец, отпарившись, Евгений вышел через низенькую дверь на белый свет. Кадки какой или обливочного ведра у Сергея не было — для омовения служил обычный резиновый шланг, перекинутый через турник. Под напором шланг извивался и лил воду во все стороны, кроме нужной — на парильщика. Евгений схватил резиновую змею и облил себя от макушки до пят холодной водой. Конечно, идеально было бы сейчас прыгнуть в Шелонь, но, как говорил старик Эпикур, — не стоит портить то, что есть, желанием того, чего нет. Струя смывала с тела пот и берёзовые листочки, затекала подмышки и остужала распаренные ступни. Подступала благодать.

В саду у дома жена и начальница Сергея, Елена Николаевна, ставила салаты и посуду на светлую скатерть с цветочками. В накрывании стола принимала участие хозяйская дочка и писательская муза — обе примерно одного возраста. Ничто не сближает женщин так, как совместные застольные хлопоты. Происходит процесс взаимного изучения, отмечания достоинств и, главное, недостатков. Найдя хоть какие-нибудь в другой, женщина мгновенно успокаивается и начинает приглядываться к достоинствам. Это было к месту — меньше напряжённости и неловкостей за трапезой. Сергей, отпарившись чуть раньше, махнул рукой, мол, пора к столу. Евгений махнул в ответ, мол, не задержусь и пошёл в предбанник одеваться.

— Как говорят в народе, после бани последние порты продай, но выпей! — К удивлению Евгения, Сергей разлил всем, включая себя. Увидев вопрос в писательских глазах, добавил: — Я только одну, послебанную. По любому другому поводу — в завязке. По факту.

— С лёгким паром! — понятливо сказал писатель.

— Ага!

С первой рюмашкой Евгений ощутил себя в состоянии равновесия бытия. Каждый человек испытывал такое чувство, только точка равновесия у каждого разная. У кого в канаве, у кого — выше крыши, а у кого — в горней высоте. Евгений ощущал себя у подножия Монблана. Закатные лучи уже не жгли, а мягко ласкали кожу, словно просили извинения за мучительный зной днём. Очнулись разнообразные пахи и, невидимые глазу, стали проводить вечернюю садовую перекличку. Стали доступны тонкие травяные ароматы, неслышимые в дневную жару. В траве пиликали кузнечики, им внимали застывшие в воздухе перламутровые стрекозы. Земля отдыхала.

Сергей чиркнул спичкой и поднёс огонёк к папиросе. Курил он жёсткий советский “Беломор”.

— За что “ходил”-то? — Как бы невзначай спросил Евгений, показывая глазами на наколотые перстни на пальцах.

— А, — лениво отмахнулся Сергей, туша спичку. — Один раз за драку по пьянке, в молодости ещё, второй — соседа поучил малость. Он мою любимую собаку отравил. Конечно, никто его за руку не схватил, э... не ловил, но я-то знаю, не раз грозился. По факту.

— И за что?

— Так я тракторист. Вона — видишь, стоят мои железяки. — Сергей показал на два трактора, стоящих в дальнем углу сада, у небольшого забора, за которым до пойменных лугов расстилалась пашня. — Я не только себе пашу — соседям, всему селу. Второй трактор специально сам собрал — поменьше, для маленьких огородов. А этот... он тоже тракторист. Но я-то беру недорого, своё заработаю, какой бабке-пенсионерке и бесплатно вспахаю. Ну, стал быть, ему хлеб отбиваю, как он считает. За то и месть. Через собаку. Я ему забор и разворотил железякой. Убил бы — так надолго посадут, не впервой ведь. А жена и дочка как без меня? И так годами дожидались. Я и пить бросил, чтобы по пьяни лишнего не накуролесить. По факту.

Евгений покачал головой.

— Вот представляете, — вступила в разговор Елена Николаевна. — Серёжа весь парк обустроил, обделал все скамейки (писателя чуть дёрнуло на “обделал”, но это осталось незамеченным), столы, сцену сработал. Избушку сказочную в прошлом году построил. И каждый год молодёжь ломает половину. Уж ежели не половину, так треть. Как будто сами детьми не были... — сетовала Елена Николаевна Анне.

Сергей слушал жену с прищуром и ухмылялся в сизый дым.

“Синие руки, а золотые”, — подумал Евгений. Ему захотелось выпить за этого человека — мастера по механике, могущего собрать трактор или обустроить целый парк и неумелого по бане, не знающего, как сделать облив. Доброго для бабки с огородом и злого, способного поуродовать соседа за собаку. Рецидивиста и заботливого отца и мужа. Чисто русский талант! Чисто русская душа! Теперь стало понятно, почему он не взял деньги с гостя за водку. Евгений встал.

— Мне и Ане очень приятно быть в вашем доме, замечательный стол и замечательная хозяйка. Но сейчас что хочу сказать. Этот мир несут на плечах мастера! Предлагаю за хозяина этого дома и мастера — золотые руки. За Серёгу!

Сергей улыбнулся и чокнулся остатками водки — свою единственную дозволенную рюмку он растягивал на несколько раз.

Мужчины всех возрастов, профессий, сословий и взглядов сходятся на двух темах — спорт и женщины. Есть, конечно, ещё политика, но это носит транзитный характер, всерьёз останавливаться на том, что меняется даже в прошлом, мало смысла. И если в спорте есть варианты — футбол, бокс, хоккей или шахматы для гурманов, — то женщин обсуждают только с точки зрения степени наносимого ими зла. Правда, до крайней злобы в этой теме доходят редко, ограничиваются ворчанием по поводу своих женщин и восторгами по поводу чужих. И в этом нет парадокса, потому что каждая чужая — кому-то своя, и её есть кому ругать и... всё остальное.

Но сейчас писатель с трактористом кляли российский футбол. По естественной географической привязке Сергей болел за “Зенит”. Писатель вообще футбол не любил именно по той причине, что любил мастеров. Фраза насчёт того, что мир несут на своих плечах мастера, была авторская и принадлежала ему. Но не поддерживать футбольный разговор в мужском обществе неприлично. Поэтому он ругал всех, даже “Зенит”. Пользуясь этим, женщины кудахтали о своём. Краем глаза Евгений наблюдал, что Аня вела себя естественно, не по-московски. Столичные ужимки куда-то делись, взгляд посвежел, смех позвончел, потерял натянutosть. Она даже помолодела, хотя куда уж было моложе. Она вполне могла бы сойти за одноклассницу хозяйской дочки, только в этом году закончившей школу.

“Словно прожила всю жизнь в этой же деревне, — удивился про себя Евгений, — или это любовь на деревенском воздухе так действует?” Аня действительно понравилась хозяйке и дочке-ровеснице. Это переливало гостеприимное отношение и на него. А это значило, что на следующий раз его будут ждать не только официально, а с душой. А что может быть лучше, когда тебя где-то душевно ждут?

— А ты прикинь, как Аршавин на Европе голландцев затерзал?

— А как Кержаков с трёх метров по воротам мажет? Я за половину его гонорара могу промахиваться ближе!

— Тогда мяч с ноги свалился. Бывает. Даже у Месси. Так вот!

— Месси — гений футбола. Это Леонардо да Винчи футбола! Только не такой везучий, как Марадона. Но Марадона признал его своим наследником. А Зырянов чей наследник? Вот скажи мне, чей?

Серёга задумался.

— Вот поэтому они так играют, что ни от Стрельцова, ни от Нетто, и уж точно ни от Яшина ничего не унаследовали, — закрутил тему Евгений на манер хозяина. — По факту! Потому что демократия — это по количеству, а не по достоинству. Кроме денег, играть не за что. Ни за страну, ни за людей, ни за уважение. За бабло. Вот и нет наследников.

— Да в задницу эту дерьмократию! — подхватил Серёга. — Все воруют, везде беспредел. Хорошо, что моя баба при должности, её в районе уважают. А так — башли у всех в голове, ты прав. На людей всё меньше похожи, всё не по-человечьи договориться норовят, а купить. А как красоту такую купить?

Сергей замолчал, они не сговариваясь посмотрели за тын, в нераспаханные дуга. Где-то невидимая за холмом текла Шелонь, казалось, обгоревшее за день солнце хотело ополоснуть в ней покрасневшее лицо. Красивая у нас сторона, вот только живут не всегда красиво, подумалось. А вот отказался тракторист Серёга от водки и стал красиво жить, сам красоту мастерит, бесплатно вспахать кому-то незазорно, радость, значит, может подарить. А какая красота без радости?

— Жень, ты того... приедешь на следующий год или как? На подольше? — отвлёк Серёга, затыгиваясь жгучим "Беломором". Курил он часто. — А то на охоту ходим, ружьишко второе найдётся. По факту.

Евгений сепаратно налил себе маленькую и утвердительно выпил.

— Хорошо тут у вас. Как не приехать! Жаль, правда, жаль уезжать, но завтра с утра в седло. Ничего не попишешь.

Прощались недолго — Серёга проводил пару до гостевой избы и, взяв честное писательское слово, что увидятся на следующий год и Аню привезут по факту, пожал перстневыми пальцами руку, повернулся и пошёл домой.

Ночь пошла страстно и быстро. Если бы не потребность поспать перед дорогой, Евгений не отпустил бы вдохновляющую музу из объятий до третьих петухов. Собирались тоже быстро, перекусили, и в десять утра Евгений уже грел машину. Аня заботливо запаслась в дорогу бутербродами, но за водой пришлось идти в сельпо. Выйдя с двумя минералками, Евгений ускорил шаг — у машины стоял какой-то детина в растерзанной красной рубахе с косой в руках.

— Ты Петьку видал? — обернулся детина на шаги. Он спросил весело, но с чертовщинкой.

Евгений почувствовал, что мужик ищет повода пустить косу в ход — не догулял, наверное.

— Сегодня не видал. — Главное в таком контакте — отвечать уверенно. Евгений спокойно подходил ближе, лишая детину пространства для замаха.

— Он мне должен, — уже угрюмой заявил мужик.

Евгений сделал ещё пару шагов и улыбнулся для маскировки. Из окна "Кукурузника" испуганно смотрела Аня.

— Должен, значит, отдаст.

Мужик призадумался.

— Точно?

Евгений подошёл почти вплотную — удара косы уже можно было не бояться. Он успел бы перехватить косовище.

— Наверняка.

Мужик поскрёб свободной рукой распахнутую грудь.

— Ну, ладно тады. А то я и резануть могу. Вона — колёса, к примеру. Евгений понял, что подоспел вовремя.

— Так то — мои колёса. А долг евойный. Разница есть?

Мужик снова поскрёбся.

— Есть. Но увидишь этого Петрилу, скажи, чтобы долг отдал. А не то...
— Первым делом, — заверил Евгений, снова улыбаясь, теперь прощально.
— По факту!

Краснорубашечное лихо шатнулось и пошло в сторону по дороге — в сторону Серёгина дома. Евгений выдохнул, залез в машину и с удовольствием нажал на газ.

Писательский год прошёл быстро, в работе и хлопотах. Богемного образа жизни Евгений сторонился, а диван считал мёртвой зоной эволюции. Всё собирался написать рассказ про свою дружбу с трактористом Серёгой, но что-то мешало: то срочно новую повесть нужно было сдавать, то старый роман править для издательства, то что-то ещё — мелкое, но обязательно срочное.

С Аней, как и со многими предыдущими музами, пришлось расстаться, видимо, пришёл черёд новой. Но черёд чуть не дошёл, и на очередной фестивалёк в Сольцы Евгений отправился один. С того года прежней осталась машина и ухабины на подъезде. Они узнали друг друга, и “фронттовую” полосу удалось преодолеть быстрее и безопасней. Но что-то уже было не так. Старый друг Серёга встретил его у здания администрации нетрезвой улыбкой с бутылкой пива в синих пальцах.

— Женья, друган, я тебя ждал целый год! Молоток, что приехал. По факту! — Серёга протянул руку с бутылкой — вместо рукопожатия получилось “пивожатие”.

“Развязался, не иначе”, — присмотрелся Евгений, но вслух сказал другое. — Привет, Серёг! Как же я мог не приехать, если ты меня ждал!

Они обнялись, от Серёги отчётливо тянуло сивухой.

— А где твоя девушка? Аня? Один приехал? По факту?

Евгений махнул рукой, неважно, мол, потом.

— Ты завтра после программы заходи к нам. Парку́ примем, все дела... Евгений улыбнулся.

— Конечно, до сих пор помню те посиделки. Хлебно вышло... Завтра и нагряну. А сейчас уж извини, с дороги отдохну малость.

Поселили его в той же избе, с пузатым холодильником в комнате. Евгений уже не пошёл ни за какой бутылкой, просто разделся, выключил свет, чтобы не налетело комарё, лёг на кровать и заснул сразу, как закрыл глаза. Наутро сон слетел рано, только-только наливалась розовым соком зорька. Пропустить такое было нельзя, и Евгений знакомой дорогой быстрым шагом дошёл до Шелони. По-над речкой ещё оставались хлопья тумана, придававшего этой красоте ещё какую-то дополнительную загадку. Ну, а вода на заре — парное молоко, лучше не скажешь. Евгений вернулся отдохнувший, помолодевший и одухотворённый. Как раз для фестиваля.

Сам конкурс прошёл, как и в прошлый раз и, наверное, как во все прошлые разы: участники были довольны, лауреаты — счастливы, члены жюри — пьяны. Но Евгений отказался от финальной выпивки — впереди была Серёгина банька и стол в саду. Мельчить не стоило.

Евгений подошёл к дому тракториста. “Как вчера, словно года не прошло”, — легко удивился быстротечности жизни Евгений и толкнул калитку. Но год всё-таки прошёл — изменения были налицо. На столе вместо скатерти с тарелками были рассыпаны шестерёнки, пружины и прочие механизмы, — очевидно, от хозяйского трактора. Сам Сергей сидел за столом и что-то собирал из частей.

— Здорово, Серёга, — крикнул Евгений почти от калитки.

Но вчерашней радости в хозяине дома он не заметил. Сергей обернулся и вяло махнул рукой.

— Если париться хошь — проходи, знаешь, где. Тока веники береги, мало осталось. По факту.

— А как... после баньки что, не выпьем? — спросил Евгений, показывая на покрытый запчастями стол.

— Отчего же, можно. Только ты за бутылкой сходи, а то у меня закончилось. Пива осталось на кружку, и всё. — Сергей отвернулся и снова занялся шестерёнками. Руки у него заметно дрожали.

Евгений помолчал. Какое-то странное гостеприимство, разительно отличавшееся от прошлогоднего. Так в гости не зовут, уж он бы точно так не стал приглашать. Тем более человека, которого называешь другом. Тем более, которого ты так радушно принимал прошлый раз. Евгений подошёл к столу. От тракториста явно пахло водкой, люди, не выдержавшие зарока, развязавшие, потом из состояния опьянения практически не выходят. Скорее всего, сейчас он находился между запоями.

— Знаешь, Серёг, я, наверное, к бардам пойду. На тот берег. Там и банька, и водка. Звали настойчиво. Так что... бывай.

— Бывай. — Серёга даже не обернулся.

Евгений перестал улыбаться и пошёл прочь от дома. В спину услышал: “Думает, он из Москвы, так ему тут всё подавать должны...” Евгений останавливаться не стал. Что-то объяснить не было смысла. Пьянство делает худшие качества человека главными. Так и демократия. По факту.